

«Не раз уже упоминал о своеобразных «мобильных Твардовских чтениях», которые проводит Смоленский общественный совет совместно с библиотекой им. А.Т. Твардовского. Казалось бы, ничего особенного: просто выезжают в район смоленские «твардовскоеды», работники культуры, писатели, поэты – авторы и издатели нового литературно-краеведческого журнала «Смоленская дорога», книг о смолянах и Смоленщине... Так, на яблочный спас попали мы в Болдинский монастырь, из Шумяч отправились в Петровици, на родину мировой знаменитости – фантаста Айзека Азимова, в Глинковском районе посетили «твардовские места».

Впрочем, «твардовские места» – слишком громко сказано. Ни в Ляхове, ни в Белом Холме, ни в Язвине никаких материальных следов не осталось. Нет бывших помещичьих усадеб, в которых размещались знаменитые Ляховская и Белохолмская школы, нет даже следов церкви, где крестили Александра...», – в статье «Время, люди, камни...», опубликованной в одном из номеров журнала «Смоленск» за 2009 год, – делится впечатлением журналист Петр Привалов.

Что тут скажешь? Что возразишь? Действительно, камня на камне не осталось от бывших «твардовских мест». Но согласитесь, что и в том же родном для Твардовских Загорье долгие годы царил такое же запустение и уныние. Слава Богу, что вспомнили об этом уголке и воссоздали его вновь. Кто знает, может, и до «глинковских твардовских мест» когда-то дойдет очередь. Во всяком случае, хочется на это надеяться. Тем более, что Александр Твардовский – имя в русской литературе не рядовое.

Так все начиналось

С Глинковским районом у Твардовских связано немало. Более того, на этом угол-

ке земли, именуемому сегодня Глинковским районом, все начиналось. Вряд ли сегодня кто-то, кроме людей, подробно занимающихся исследованием биографий Твардовских, известно, что мать А.Т. Твардовского Мария Митрофановна в 1888 году была крещена в церкви села Словаж Лобковской волости. Сегодня это местечко входит в состав Глинковского района. В деревню Белкино Ельнинского уезда (ныне Глинковский район) Смоленской губернии, из деревни Бар Краснинского уезда переехали родители поэта. Здесь в начале прошлого века родился старший брат Александра Трифоновича – Константин Трифонович Твардовский. О факте крещения Александра в церкви села Язвино известно повсеместно. Случилось это летом 1910 года. В деревне Чернево (тоже наши места) появился на свет один из младших братьев – Иван Трифонович. «В метрической книге церкви села Ляхово Смоленского уезда 5 ноября 1915 года зарегистрирована смерть Г.В. Твардовского, умершего в возрасте 94 лет от «натуральной болезни», – пишет о кончине деда поэта краевед и журналист В.Д. Савченков в книге «Хутор-хуторок».

Интересно раскрывается тема «Твардовский и Глинковский район» и в статье М.А. Бароненкова «Малоизвестные факты из жизни поэта», опубликованная в нашей районной газете в апреле 1989 года, а также в воспоминаниях родственников и однокашников поэта.

Спасибо его учителям

Не открою чего-то нового, если скажу, что каждая выдающаяся личность начинается с учителя. Повезло человеку – встретил он на своем пути учителя необыкновенного, одержимого своим делом и любовью к детям, все в его жизни сбудется. Не повезло – равно-

душный попался преподаватель, считай – талант загублен. Александру Трифоновичу Твардовскому повезло в этом плане не единожды. Да он и сам понимал это как никто. О своих учителях, Марфе Карповне и Ульяне Карповне, которые могли донести до сознания детей красоту и величие русского языка и литературы, тепло говорил поэт в своей речи на Всероссийском съезде учителей 7 июня 1960 года. Эти две замечательные женщины, сестры Галактионовы, встретились будущему поэту в обычной сельской школе села Ляхово, что была в четырех-пяти верстах от хутора Загорье. Туда отец Трифон Гордеевич Твардовский отправил учиться в 1920 году сразу обоих своих сыновей: Константина – в пятый класс, Александра – в третий. К.Т. Твардовский вспоминал: «Ляховская школа размещалась в доме помещика Бартоломея. Дом был двухэтажный, большой, с печным отоплением. Учились мы с Александром не лучше других, но и не хуже. Русский язык давался Александру лучше, чем другим ученикам, а остальное – так, на среднем уровне. Иногда мы в плохую погоду ночевали в школе, спали на полу; набиралось таких ночлежников, бывало, до двух десятков. Видимо, чтобы предупредить излишнее баловство, вечером к нам приходила Ульяна Карповна с томиком Гоголя и вслух читала нам рассказы».

Исследовательница творчества А. Твардовского Р.М. Романова в одной из своих работ писала: «Не с Ляховской ли начальной школой связывал впоследствии Твардовский свои первые, уже сознательные опыты стихосложения, когда отмечал: «Писать начал с десяти лет».

Братья поэта подтверждают это предположение. Иван Трифонович вспоминал: «Уже тогда, в Ляховской школе, брат между сверстниками слыл «поэтом»...»

В 1922 году Александр Твардовский окончил четвертый класс, а так как пятый класс в ней был упразднен, пришлось искать новую школу. Один год поэт учился в Егорьевкой школе, а затем в его жизни была Белохолмская трудовая школа, куда он поступил осе-

нью 1923 года. Годы учебы в ней оставили, по высказываниям самого А.Т. Твардовского, самые яркие воспоминания.

«На высоком левом берегу реки Свиной, на холме, возвышался белый трехэтажный кирпичный дом. На восточной стороне этого дома, выходящей к реке Свиной, была великолепная терраса, окутанная кустарниками...», – вспоминал одноклассник поэта Г. Т. Сиводедов, – два первых этажа этого великолепного здания были заняты классными комнатами...»

При школе, по воспоминаниям бывших учеников, была, довольно большая, библиотека, куда попали книги из частных помещичьих собраний. Для страстного книголюбца Александра Твардовского это было очень важно. Он самозабвенно получал знания из книг, серьезно продумывая каждое прочитанное произведение. В характеристике, которые обычно давались на учащихся, значилось, что ученик Александр Твардовский имеет выдающиеся способности к русскому языку. К нему же он проявляет большой интерес.

Одноклассники отмечали, что уже в ту пору А. Твардовский обладал более правильной литературной речью, был значительно начитаннее своих сверстников.

В течение года учебы в Белохолмской школе Александр Твардовский был всецело поглощен написанием стихов. Иногда он пытался показать написанное своим наставникам.

И вновь доброе слово хочется сказать о педагогах. В Белохолмской школе в двадцатые годы были подготовленные педагоги, многие из них имели университетское образование.

Рассказывая об учителях, нельзя не вспомнить о еще одной неординарной личности, которую юному Твардовскому довелось встретить именно в стенах Белохолмской школы. Два раза в месяц в Белый Холм приезжал, назначенный ГубОНО, Борис Игнатьевич Коваленко, который впоследствии стал профессором, членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР, крупным ученым.

В Белохолмской школе он устраивал «суды» над героями изучаемых литературных произведений. Он, будучи личностью яркой, смог привить ученикам любовь к родной литературе: обучал учащихся навыкам литературного рекламирования, развивал эстетические вкусы школьников. В письме к Б.И. Коваленко в декабре 1960 года А.Т. Твардовский писал: «Я хорошо помню Вас и очень признателен за доброе Ваше участие в моей судьбе в давние годы ранней юности».

Первые трудовые

С Глинковским районом у А. Твардовского связано и начало трудовой биографии. Его первые трудовые годы пришлось на 1924, 1925... годы. Лишь в 1928 году Александр Трифонович переезжает в Смоленск.

После того, как Белохолмская школа закрылась, перед Александром Твардовским встал вопрос о трудоустройстве. Первым местом работы будущего поэта была Староханинская школа, куда он пришел пионервожатым. Жить он определился в дом своих друзей Сиводедовых.

В 1925 году по рекомендации местной партячейки А. Твардовский стал работать секретарем Ляховского сельсовета. Трудно представить, но на тот момент секретарю было всего пятнадцать лет. Грамотный, серьезный, он пользовался авторитетом у местного населения. Столь юный возраст не мешал Твардовскому делать серьезные дела. Он активно борется с неграмотностью среди взрослого населения, посещает кустовые комсомольские собрания в Язвине, читает стихи на сельской сцене, активно сотрудничает с областными газетами. Позже А.Т. Твардовский напишет: «В Язвине мы проводили кустовые, как они тогда назывались, комсомольские собрания окрестных организаций. И сколько было там молодости, споров, волнений и песен. Неповторимое время!»

С января 1925 года Александр Твардовский пишет довольно острые заметки в губернские газеты. Через год Твардовский

участвует в слете селькоров. Там он впервые знакомится с Михаилом Исаковским.

На всех одна беда

В одной из публикаций о А.Т. Твардовском мне встретился интересный факт. Оказывается, что когда в начале 1930 года в Ляхове была организована сельскохозяйственная артель, в нее вступила и семья Твардовских. Колхозная жизнь была недолгой.

Семья Твардовских, как и многие крестьяне в тридцатые годы, была раскулачена и выслана в Уральский (ныне Свердловский) район. Реабилитированы Твардовские спустя 65 лет решением комиссии УВД Смоленской области от 30 января 1996 года..

Признаться, для меня шокирующим открытием было упоминание о том, что раскулачиванию Твардовские были подвергнуты согласно решению Глинковской районной особой комиссии. Оказывается, не только добрые воспоминания связаны у Твардовских с Глинковским районом. Но факты – вещь упрямая. Давайте вновь вернемся к книге В.Д. Савченкова «Хутор-хуторок». Автор книги первым знакомит широкую читательскую аудиторию с выдержкой из архивных материалов дела № 34188 в отношении трудпоселенца Трифона Гордеевича Твардовского. В них говорится: «На основании решения Глинковской районной особой комиссии по раскулачиванию от 19 марта 1931 года Твардовский Трифон Гордеевич был признан кулацким элементом и подвергнут политической репрессии по классовому признаку – раскулачиванию и выселению из дер. С-Загорье Смоленской области. Вместе с ним были высланы и находились на спецпоселении в Н-Туринском районе Уральской (ныне Свердловской) области – жена Мария Митрофановна (1888 г.), дети – Константин (1908 г.), Анна (1912 г.), Иван (1914 г.), Павел (1917 г.), Мария (1923 г.), Василий 1927 года рождения».

Основание: применение и вид репрессии по политическим мотивам в административном порядке:

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укрупнению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

За сухими строчками архивных документов не разглядеть той боли, тех невероятных мучений и страданий, что выпали на долю Твардовских. Но они были, и этого из жизни не вычеркнешь. Иван Трифонович Твардовский в своей книге «Родина и чужбина» так описал свое чувство страха за семью: «Во второй половине 1936 года Александр Трифонович, переезжая в столицу на жительство и учебу в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), свою жилплощадь (комнату, где проживал в Смоленске со своей семьей) в двухэтажном доме на улице Краснознаменной передал семье отца, которая прибыла в Смоленск в июне того же года из Русского Турека. Изредка я получал письма от родителей. Из них мне было известно, что в смоленских газетах появлялись публикации, в которых утверждалось о якобы кулацких тенденциях в творчестве А. Твардовского. Меня беспокоило и то, что я не был уверен, что Александр Трифонович точно знает, каким образом наш отец смог перевезти семью из Зауралья на среднюю Вятку. А вдруг, думал я, ему ничего неизвестно о том, что отец самовольно оставил место ссылки, если нет, так это же риск! И переписка моя потому была крайне сдержанной, чтобы поменьше было известно, кто и где находится».

И тут вот такая неожиданность. В том же 1936 году, в августе, придя в общежитие, я увидел нового, поселившегося на соседней койке человека в воинской форме. Нет, он

ничем не был похож на сотрудника НКВД — демобилизованный красноармеец из какой-то технической воинской части, назвался по фамилии Долбежкин, я назвал свою фамилию — Твардовский. Так вот мы и познакомились. Он рассказал, что служил один год, поскольку имеет среднее образование, устроился на «Можерез» крановщиком, комсомолец. Затем перевел разговор на то, что фамилия Твардовский ему знакома, что в Глинковском районе, на его родине в Смоленской области, были Твардовские и что теперь их там нет: раскулачили и куда-то сослали. Я, право же, ничего не мог сказать, что-то невнятное промямлил, как бы про себя: «Н-да-а...», сам подхватился, как бы узнать насчет чая, к титану, а в лицо, почувствовал, хлынул жар, будто приблизился не к титану, а к электропечи.

Пока я ходил да готовил чай, наш новый сосед познакомился и уже беседовал с моим товарищем Ваней Белофастовым. Мало-помалу, овладев собой, я смог предложить чай — от сердца отлегло».

У нас бывал еще не раз

На Глинковскую землю Александр Трифонович Твардовский возвращался потом еще не один раз. Известно, что у нас в районе он бывал, работая разъездным корреспондентом областных газет, в конце 20-х годов. В 1935 году он посетил Глинковский и соседние районы вместе с Михаилом Исаковским. В годы войны он также посещал родные места и в своем очерке «На родных пепелищах» есть строки о той боли, которую он испытал, увидев разоренное, так знакомое ему, Ляхово.

ТВАРДОВСКИЙ И ПРИСТАВКИН – БОЛЬ ОДНА НА ДВОИХ...

Глинковский район – лишь маленькое пятнышко на карте огромной России. Не разглядеть его торопливому глазу, а впрочем, и не отмечен он там. Слишком мал, чтоб быть

замеченным... «Да и что у вас там особенного, в вашей Глинке? Какие такие люди, великие душой, к ней прикипели?» – спросят с нескрываемым равнодушием те, кому до

западном пограничном краю нашей страны она во все времена первой принимала удары от недругов, приходящих с запада. А в эту минувшую войну, очевидцы мне рассказывали: ответ горевшего Смоленска, полыхающее над ним кроваво-багровое небо было видно за сотню километров. Людям казалось, что наступил конец света.

Но и здесь, в деревнях, война творила свое беспощадное дело. Меня поразило, что через два-три десятка лет о войне жители в деревнях говорили так, будто она произошла вчера; такую незаживающую рану оставила она в душе каждого смолянина. Да посчитайте сами: в том же Глинковском районе было до войны сорок тысяч жителей, ныне осталось едва шесть-семь. И так по всей области. Она до сих пор, мы же об этом не пишем, не знаем, не добрала до военной численности населения. Ну а символом особой жестокости стала соседняя с Белым Холмом деревня Ляхово, ее называли второй Лидицей, фашисты сожгли в домах 384 человека, в основном стариков, женщин и детей».

Как тут не вспомнить знаменитого очерка А.Т. Твардовского «На родных пепелищах». Нет конца боли и скорби... «Обезображена, изуродована вся моя родная местность. Нет сил и действительно нет слов, чтобы рассказать об этом по живому впечатлению. Каждый километр пути, каждая деревушка, перелесок, речка – все это для человека, здесь родившегося и проведшего первые годы юности, свято особой, кровной святостью. Все это часть его собственной жизни, что-то глубоко внутреннее и бесконечно дорогое. И видеть все это таким, каким оно выглядит после немцев, – это почти физическая боль... Язвину сожжено. Нет церкви, нет школы... Ляхово, памятное мне тремя годами обучения в начальной школе и ярмарками на духов день, полностью сожжено немцами летом 1942 года. Сожжено с людьми. В огне погибло около двухсот жителей, главным образом женщин и детей».

Александр Твардовский, военный корреспондент, изрядно поколесивший по фрон-

тах, многое видел своими глазами, но горечь от встречи с разоренным родным краем оставила в сердце незаживающую рану. Нет ничего страшнее, чем разоренная родина. И эта боль в произведениях А.Т. Твардовского и А.И. Приставкина.

Нет сомнений в том, что А.Т. Твардовский с огромной любовью относился к нашим местам. Сколько у него стихов о Смоленщине. Даже о родной для нас с вами Глинке есть строки. Помните:

*Здравствуй, пестрая осинка,
Поздней осени краса.
Здравствуй, Ельня!
Здравствуй, Глинка!
Здравствуй, речка Лучеса!*

Помнил, одним словом. Знал, что нет ничего более святого, чем то место, где начинал, куда бегал пацаном по родным дорожкам.

Для Анатолия Приставкина, родившегося в городе Люберцы Московской области, небольшие деревеньки Глинковского района тоже стали родными. Для него свято все, что связано с его родом, с его корнями. Если можно так сказать – это связь на генном уровне. Не единожды он приезжал сюда по зову сердца и по приглашению глинковцев тоже. Думаю, с повестью знаменитого русского писателя «Белый Холм» знакомы многие. А нам, жителям того района, что стал объектом внимания самого Анатолия Приставкина, и сам Бог велел прочесть эти страницы.

Об авторе говорят, что он часто исповедовался перед читателем. «В полной мере это удалось Приставкину в повести «Белый Холм»... Автор предстает зрелым, много пережившим человеком, отцом двух детей, когда семья, игравшая в его жизни чрезвычайно важную роль, распадается, и он растерянно останавливается, потому что не может представить, как ему жить дальше. Именно в этот момент отец писателя предлагает ему совершить поездку на свою родину – Смоленщину, в село Белый Холм. Об этом путешествии Приставкиных в места,

где многие века жил их род, и рассказывает повесть. Жизнь нескольких поколений семьи Приставкиных становится фактом литературы, автор раскрывает ее перед читателями как срез с истории жизни народа. Именно в этом коренное отличие повести Анатолия Приставкина от многих внешне похожих на нее сочинений, герои которых, запутавшись в сложностях городской жизни, совершают паломничество на «землю предков», чтобы через древние корни своего рода впитать в себя соки родимой почвы и, пережив возрождение, вернуться назад. В повести «Белый Холм» речь идет о более сложной связи поколений, которую автор ощущает постоянно», – писала критика.

В дорогой Анатолию Приставкину Белый Холм и его окрестности он вернется позже, в 2003 году. Не уйдет эта тема и из его творчества. Думаю, не многие знают о том, что несколько лет назад из-под пера А. Приставкина вышла документальная повесть «Первый день – последний день творения», где писатель, в том числе, делится и своими впечатлениями от посещения Глинковского района: «Первый раз побывал я в родной деревне отца до войны, в классе втором, и запомнил избу, деда с бабкой, пирог с картошкой, землянику в лесу. А отец мой, ровня Александру Твардовскому, бегал с ним в школу, тоже во второй класс, из соседних хуторов: Загорье и Радино. В последний же раз приезжал я сюда с отцом, который был в моем позднем, нынешнем, возрасте. Так и сказал: попрощаться. Мы тогда взяли моего сына Ванюшку и племянника Павлика, подростков, теперь-то им под сорок. А привечала нас дальняя родня: Нина и Михаил, которые переехали из ликвидированной деревни Спасской сюда, в Белый Холм, на центральную усадьбу...»

А потом Анатолий Приставкин вспоминает, как принимали его на родине отца и деда в последний его приезд: «...Так вот она-то вострепетала, моя бедная, моя несчастная родина. И если говорить о стыде... Стыдно, когда она зовет, а ты делаешь вид, что не

слышишь. Поехал я, в общем... Надо ли оплывать, как встречи на родине особенно трогают: дети на центральной площади встретили хлебом-солью, а потом под гармошку играла женщина, нам пропели старинную приветственную песню. А далее вместе с земляками возложили венки к могиле Неизвестного солдата.

Мне приходилось участвовать в торжественном ритуале возложения венков к вечному огню у Кремлевской стены, это всегда волнует. Здесь, в Глинке, было как бы менее величественно, зато по-человечески трогательно. И дети, слава Богу, их было много на митинге, пронесли торжественно венок, сплетенный ими из хвои, и положили к подножию памятника, где врезаны в стену сотни имен воинов, отдавших жизнь за освобождение Глинки. Но не все, не все. Вот опять я услышал, что к этому дню собраны останки еще нескольких сотен. Сколько же их пало, что до сих пор собираем и собираем... И не можем собрать... Страшный урожай далекой войны!»

Далее Анатолий Игнатъевич, делясь впечатлениями, то и дело упоминает о том, что здесь, на Смоленщине, в Глинковском районе, он часто вспоминал своего старшего брата по перу. Ни на минуту он не забывал о том, что именно эта земля роднит его с А.Т. Твардовским. И даже на приглашение приехать сюда еще он готов был ответить стихами Александра Трифоновича. Вот как он пишет об этом: «Я киваю. Ну, что сказать. Разве что стихами поэта... “Скоро ль, нет ли, не знаю, вновь увижу свой край... Здравствуй, здравствуй родная... Сторона. И – прощай!»

Жаль, но та поездка на празднование 60-летия освобождения Глинковского района действительно оказалась последней. Через некоторое время Анатолия Игнатъевича Приставкина не стало. Однако Глинковский район до сих пор остается тем уголком земли, где помнят и чтят своих знаменитых земляков, и два великих имени – Александр Твардовский и Анатолий Приставкин – для его жителей свои, родные.